

Фольклорно-мифологический текст Русского Христа в поэзии Ю.Кузнецова
// Південний архів. Філологічні науки: Зб. наук. праць. – Вип. XXVII. – Херсон:
Вид-во ХДУ, 2005. – С.58-63

УДК 826.161. 1/82-1

Н.Ильинская

Фольклорно-мифологический текст русского Христа в поэзии Ю.Кузнецова

Поэзия Ю.Кузнецова содержит рецепцию особого типа сознания, корни которого уходят в глубочайшую языческую древность. Это отмечено в большинстве исследований творчества Ю.Кузнецова (Зайцев В., Косарева Л., Шайтанов И., Куняев С., Липовецкий М, Анкундинов К., Бараков Ю.), в которых констатируется народно-поэтическая основа его мировосприятия и образности, отмечается, что поэту "принадлежит немалая заслуга восстановления по крупицам того богатейшего поэтического мира, которым жили наши предки, введения древних символов, языческих полнокровных образов света и тьмы, нечисти и Божественной силы, притч, заговоров и заклинаний" [13:42-45]. Мифопоэтический космос Ю.Кузнецова создается гетерогенными, на первый взгляд, несовместимыми элементами, среди которых наибольший интерес представляет его обращение к истокам и потенциалу народной веры, что отзывается в душе и творчестве поэта вековым, вневременным голосом "почвы". Этот сложный психологический "механизм" ощущения "земной тяги", прапамяти, личной причастности к глубинной сути мироздания в виде фольклорно-мифологической традиции доминирует в «закатных» поэмах Ю.Кузнецова «Путь Христа» и «Сошествие в ад», во многом определяя аксиологические и художественные координаты образа Христа. Цель настоящей статьи – проследить авторские приемы, которыми зафиксирован "русский текст" образа Христа, выявить способы его вхождения в национальную поэтическую и духовную традицию. В обозначенном аспекте поэма Ю.Кузнецова рассматривается впервые.

Мифопоэтика Ю.Кузнецова реконструирует архаические пласты сознания, определяющие национальную ментальность и идентичность, возрождает аутентичные формы фольклора, актуализирует образную систему славянской мифологии, стилистику и символику, освоенную поэтической традицией. Для индивидуальной поэтики Ю.Кузнецова характерны следующие приемы воплощения образа Христа:

– топонимы, ведущие родословную из русского религиозного фольклора, актуализированные в тексте поэмы в исконно сакральном символическом значении. Например, мысль о том, что, благодаря присутствию Богочеловека, тварный мир, божественный по своему происхождению, вторично освящен: "Принял крещение водою Христос – и другой / стала река. Она стала священной рекой". (Срв. с духовным стихом: "А Ердан-река всем рекам мати; Почему Ердан-река всем рекам мати? / Окрестился в ней сам Исус Христос) [19: 496-499];

– придание портретной характеристике Иисуса Христа антропологических черт славянского типа ("Гневно сверкнули его голубые глаза"; "Это вдова прикоснулась к одежде Христа / И первый раз в голубые глаза поглядела"), ранее отмечавшееся в его лирике, в частности в стих. "Портрет Учителя": "Он светло-рус, и мягко бьет о плечи Его волос струящийся поток..." и далее: "Его глаза невыразимы в слове, / Как будто небеса глядят на вас.../ Чуть подняты обочья синих глаз, и глубину ресницы оттеняют" [9:38-39]. В созданном поэтом облике Христа отчетливо просматривается влияние иконописного образа Спасителя, "каким видел Его народ на "местной" иконе в иконостасе или Деисусе над царскими вратами. Таким Он вошел и в духовную поэзию народа" [19:381]. Эта закономерность народной антропологии и этнопсихологии отрефлектирована С.Аверинцевым: "У каждого христианского народа есть свой религиозный фольклор, перерабатывающий библейские и евангельские, апокрифические и житийные моменты так, чтобы сделать их своими, ввести в состав народной души. По одному латиноамериканскому преданию, лик Девы Марии нерукотворно отпечатался на национальном головном уборе новокрещенного индейца: это хороший символ. Святыня должна быть увидена в родном ландшафте" [1:93].

– растительная символика, глубоко укорененная в русской духовности и поэтической традиции христианским смыслом или наоборот демоническими коннотациями. Например, образы кедров – "древа Господня", выше которого в иерархии народной религиозности лишь траурный кипарис "всем древам мать" [19:433], в тексте поэмы "Золотое и синее" персонифицируются и наделяются качествами знаменитых Кедров Ливанских, обладающих, как гласит предание, мудростью и посвятительным знанием. Рефрены, в которых "священные кедровы" "оценивают" события, происходящие с Иисусом, подчинены градуальному принципу: "Глухо об этом священные кедровы шумели", то есть о тайне Божественного Младенца, о посещении Его волхвами и пастухами знали лишь избранные, заменяется на "долго об этом священные кедровы шумели", что является синонимом людской молвы. И, наконец, изменение ключевого слова повтора на "грозно" после конфликта юного Христа со старейшинами заставляет задуматься над его предстоящей развязкой.

Многоаспектно представлена в тексте поэмы символика ивы. Это дерево упоминается и в Библии в связи с праздничными обрядами иудеев, но в поэме "Золотое и синее" образ ивы получает русские фольклорные коннотации "дерева разлуки, обмана, измены", а также семантику, характерную для поэтической традиции, в которой образ ивы "означает не только любовную, но и всякую разлуку, горе матерей, расстающихся со своими сыновьями", одиночество [22:64-65]. Так, инвариант рефрена: "Над Иорданом плачущая ива склонилась / плачет о юности, что на веку ей приснилась" (вариант рефрена: "Плачет она о любви, что когда-то приснилась"; "Плачет о чести, что ей на закате приснилась") актуализирует в семантическом поле образа перечисленные значения и перекликается с образами, например, ахматовской поэзии, в которой ива, склонившаяся над водой, выступает эмблемой одиночества. Разумеется, претекстом является фольклорный образ, поскольку о влиянии или заимствовании не может быть и речи, учитывая неприятие ахматовской лирики Ю.Кузнецовым;

– обращение в поисках лексического и стилистического соответствия тексту Русского Христа (тождества знака и означаемого) к сакрализованным славянизмам

и архаизированным формам слова ("Дал и насытил пять тысяч людей во гресех"; "И зазияли слова на миру, яко пламень" (вариант "яко огонь"); ...по воздушям через пропасть"; "это реченье сияло...", "око – телесный светильник", "Счастливая мати, / Верой твоей ты спасла дорогое дитяти"; "...шевеленье рысучих перстов"); к фольклорным устойчивым оборотам ("Красное солнышко света, добра и любви" (Христос). Срв. с духовным стихом "Слово о погибели Русской земли": "Изукрашена земля красным солнышком"); "Был я на свадьбе незримо, и пил я вино."); пословицам и поговоркам ("Словно голодный пустое в порожнем варил"; "В тесной молве негде яблоку было упасть", "...шило на мыло меняют", "то, что упало, гласит поговорка, пропало", "народу как в бочке сельдей");

– использование приема архаической (древневосточной, ветхозаветной) риторики "возведения в квадрат" ключевых понятий ("Царь Царей", "Песнь Песней") присущий текстам русского символизма на сакральную тематику (Вяч.Иванов, С.Соловьев): "Отроку снится: он – Бог, он – Сиянье сияний, / Он – Красота красоты, он – Зиянье зияний " [12:3];

– создание системы смысловых оппозиций (Вера / разум; закон / благодать; Иисус=Бог (добро) / дьявол (персонифицированное зло); право / лево ("С правой руки Дух Святой, его ангел-хранитель, / С левой руки дух лукавый, его искуситель"); "темный Иуда" / "светлый Христос"; "голубиный рай / ад ";), оксюморонных конструкций, близких синестезии, с явно выраженной оценочной характеристикой в духе антонимичности стилевого мышления древнерусской литературы ("бледная весть", "звездный ветер", "глухой фимиам"; "долгая рука"; "рваная суть"; "небесная тревога"; "седовласые пороки"; "старейшие ноги", "извилистое сердце"; "зычно поймал"). Эта особенность, получившая развитие в поэтической культуре серебряного века, типологически сближает идиостиль Ю.Кузнецова с русским модернизмом, а также с поэтикой И.Бродского;

– словесно-образные параллелизмы, построенные по русским фольклорным моделям, плотно вошедшим в русскую поэтическую традицию, включающие лексику устойчиво-народного характера. Например, использование отрицательного параллелизма, напоминающего торжественную архаику "стиля Бояна", "мерцание"

некрасовского зачина из поэмы «Мороз Красный нос»: То не вечернее облако блещет огнями, / То не дремучее древо трепещет корнями, /... Это пророк попущенем небес обуян, / Это бушует последний пророк Иоанн [10:3];

– реалии русского быта ("холодные полати"), элементы русской свадебной обрядовости: "То не горох городецкий по дому катался, / То не каленый орех по столу рассыпался, / То собирался на свадьбу жених молодой /... Званный Христос на горячую свадьбу пришел " (Брачное пиршество в Кане), приметы и суеверия русской архаики;

Следует особо отметить многогранное использование Ю.Кузнецовым эпитета "голубиный" – знакового для русской народной религиозности – 1) как постоянного по отношению к Личности Христа ("...сказал голубиный Христос" или "Сколько вас там? – Он спросил в голубиной печали? / – Много! – лукавые бесы ему отвечали"); "голубиная душа" ("Ну так иди себе с Богом и впредь не греш... – / Так Он сказал от своей голубиной души"); 2) в конструкции "голубиная печаль" как метонимического обозначения Иисуса. Например: "– Радуйся, ЦарьИудейский! – глумливо кричали. / Заволокнились глаза голубиной печали. / Это мне снится! – скрепил свое сердце Христос"; 3) оценочного в отношении Его учеников ("Глянул Христос на своих голубиных людей"); 4) развивающего мотив мирового яйца в аспекте космогонического мифа (" То не скатилось яйцо в голубином раю / То не разбилась в аду окаянная сила"). Семантическое поле эпитета "голубиный" включает ассоциативный ряд, связанный в первую очередь с эмблемой "голубь", которая, как известно, в христианской символике обозначает Духа Святого и вызывает традиционные представления об исключительной духовности, святости и кротости Иисуса, поскольку в Нем пребывает Утешитель (Параклет), Его "ангел-хранитель". Близкая по семантике к указанному значению коннотация "голубиный" / "небесный", связанная, как указывают исследователи, с некоторыми вариантами духовного стиха о Голубиной книге, в которых "происходит вторичное осмысление книги как птичьей вообще, то есть небесной" [17:351]. Как евангельская реминисценция ("Будьте благоразумны, как змеи, и бесхитростны, как голуби" Мф.10:16), а также в трансцендентном

плане, то есть "голубиные" в значении "небесные" прочитываются характеристики учеников Иисуса, упоминание о рае, традиционными синонимами которого являются лексемы "небеса" и "Царство небесное".

Более сложным является второй круг ассоциаций, который снова вводит в контекст религиозного фольклора, напоминая о том, что заглавие "Голубиной книги", трактуемое как "Глубинная" – "указывает на неизреченную глубину изложенной в ней вселенской премудрости, на сокрытые извечные тайны бытия" [17:15]. По предположению исследователей (В.Топоров, Б.Рыбаков, Е.Голубинский), под "голубиными" или "глубинными" книгами понимаются книги волшебные, чародейские; астрологические; это "целый раздел литературы, возможно, даже особой жанровой конструкции", "так или иначе относящийся к гностической теме" [18:118], "различные апокрифы, иногда далеко удалявшиеся от канонической литературы" [16:54]. Исходные тексты, составляющие эту книгу, если судить по дошедшим духовным стихам (в частности, "Стих о Голубиной книге", стих "Страшный Суд"), включали в себя космологию, темы начала (творения) и конца (Страшного Суда). Следовательно, имеет смысл указать на дополнительные коннотации в "русском тексте" образа Иисуса, актуализированные эпитетом "голубиный". Это прежде всего напоминание о Судном дне второго пришествия (в отличие от гностических учений, где акценты расставлены на начале творения), мысль о котором латентно присутствует в субъектно-образной структуре поэмы Ю.Кузнецова "Золотое и синее", выходя на поверхность в его поэме "Сошествие в Ад". В поэтическом тексте автора эпитет голубиный / глубинный принимает семантику, близкую к исходному архаическому значению, а именно: глубины – бездны (*profundum*) (срв. "Из глубины взываю к Тебе, Господи" Пс.129; "Две бездны разом видел Он во мраке" – стих. Ю.Кузнецова "Портрет Учителя"), причем в равной мере относящееся к пониманию двух глубин: "Бездна чревата погибелью или спасеньем", то есть бездне верхнего мира ("Бездна прозрачна") и бездне нижнего мира – преисподней, в которой глубоко "под землей начинается камень забвенья". При этом отметим, что в поэтическом мире Ю.Кузнецова бездна – один из самых частотных по употреблению и многоликости

символов. Иными словами, две глубины / две бездны в оппозиции верхний мир / преисподняя (1. "Бездна прозрачна" 2. "Мы приближались к пучине под именем Ада / К бездне, окутанной тучами страха и смрада. Полный печали и трепета я произнес: /– Мы под землей? – Под Вселенной – ответил Христос.) по вертикали соотносятся с соответствующими небесными / инфернальными коннотациями и символикой: Молвил Христос – Этот камень не любит людей. / Вглубь он идет на двенадцать тысяч локтей. / Знаешь ли ты, что под камнем? – старейшина впился / Глазками в истину. Юноша сердцем скрепился. / Знание опасно! – он поднял на небо ладонь: / Я промолчу... – Говори, что под камнем? – Огонь. \ Вздогнул мудрец от великого страшного слова / И потемнел [12:10].

В приведенном фрагменте из "Юности Христа" эсхатологический подтекст, создаваемый мотивом глубины-бездны (срв. "Бездна бездну призывает голосом водопадов Твоих" Пс.41:8), поддерживается аллюзивной ссылкой из Откровения за счет ключевой лексики "огонь" (срв.: "И если кто-то не был найден записанным в книге жизни, он был сброшен в огненное озеро" Отк.20:15), а также антитезой "камень забвения" – "живой камень" Христос (1Петр.2:4). Мотивика бездны, камня, тайны ("Знаешь ли ты, что таит твоя древняя кровь...", "Письмена непростые. Важную тайну скрывают от мира сего", "Ты утаил свои знания...") вызывает ассоциацию с рассказом И.Бунина "Камень", в частности с приведенным в нем прозаиком отрывком из кабалистических книг: "Адонаи-Господь воздвиг в Бездне Камень и начертал на Камне имя святое. Когда поднимаются воды Бездны до Камня, они отбегают опять в ужасе. Когда произносится ложное слово, Камень погружается в воды – и смываются буквы святого имени. Но ангел Азариэла, имеющий 17 ключей к таинству святого имени, снова пишет его на Камне, и оно снова гонит прочь воды... Тайну тайн, неизреченные письма, означающие святое имя, прочел Иисус" [3:377]. В конце рассказа И.Бунин задается "темным" во все времена вопросом, звучащим в данном контексте риторически: "Что же готовит миру будущее?", то есть имеет ли цель человеческая история вообще и особенно – новая? У современного поэта такого вопроса не возникает, поскольку его религиозное сознание воспринимает историю мира и человечества как

"Священную Историю", которая начинается Богом, Его благим Промыслом и в Боге заканчивается. В определенном смысле усматривается единство его взглядов с позициями русских религиозных философов, в частности В.Соловьева, также считавшего, что, "если с известной точки зрения всемирная история есть суд Божий, то ведь в понятие такого суда входит и долгая тяжба (процесс) между добрыми и злыми историческими силами, а эта тяжба окончательного решения предполагает и напряженную борьбу за существование между этими силами". В пути-судьбе Иисуса Христа, как это отражено в поэме, весь поток времени обращен к перспективе Вечности и истории небесной, и метафизика истории окончательно раскроется в будущем апокалиптическом свете, в свете явления Христа Грядущего, прервавшего "дурную бесконечность" мифа о вечном возвращении: Славен Господь! Он взломал колесо возвращений. / Эй, на земле! Бог летит как стрела! На колени! / Хватит шататься столбом между злом и добром! [11:15-46]. Таким образом, богоискательство Ю.Кузнецова приводит его к русской религиозности, во многом отличной от ортодоксального православия. По словам Г.Федотова, "русская религиозность таит в себе и неправославные пласты, раскрывающиеся в сектантстве. А еще глубже под ними – пласты языческие, причудливо переплетающиеся с народной верой" [19:355-486;357]. Как представляется, религиозное сознание Ю.Кузнецова в своей основе восходит к древнерусскому "духом высокому средневековью", когда сакральное переживалось как нечто более близкое, поскольку средневековая религия полностью обращается к внутреннему миру человека. В фольклорно-мифологическом тексте русского Христа актуализируются эсхатологические ожидания, особый смысл приобретают христианские воззрения на посмертную судьбу в ином мире.

Литература

1. Аверинцев С. Праздник слез // Родина.– 1990. – №3.– С.93
2. Блок А. Собрание сочинений: В 6т. Т.1. Стихотворения и поэмы. 1898-1906. / Вступ. Статья М.Дудина; Сост. и примеч. Вл.Орлова. – Л.:Худож. лит.– 512с.
3. Бунин И.А. Собр.соч. в 9-ти томах. Т 3. Повести и рассказы 1907-1911. – М.:Худож. лит., 1965. – С.360-378С.377

4. Бычков В. 2000 лет христианской культуры *sub specie aesthetikae*. В 2-х т. Том 2. Славянский мир. Древняя Русь. Россия. – М.-СПб.: Университетская книга, 1999. –527с.
5. Жирмунский В.М. Немецкий романтизм и современная мистика – СПб,1996. – 265с.
6. Кузнецов Ю. "Отпущу свою душу на волю... // Литературная Россия. – 1995. – 1 сент. – С.10-11.
7. Кузнецов Ю. Во тьме Ада. С известным русским поэтом беседует Вл.Бондаренко // Завтра. – №33. – 13 августа
8. Кузнецов Ю.П. Золотое и синее. Детство Христа // Наш современник. – 2000. – №4. – С. 6-11.
9. Кузнецов Ю.П. Избранное: Стихотворения и поэмы. – М.:Худож. лит.,1990.– 399с.
10. Кузнецов Ю.П. Путь Христа // Наш современник. – 2001. – №2. – С.3-24.
11. Кузнецов Ю.П. Сошествие в ад // Наш современник. – 2002. – №2. – С.15-46.
12. Кузнецов Ю.П. Юность Христа // Наш современник. – 2000. – №9. – С.3-10.
13. Куняев С. "Мир с тобой и Отчизна твоя" // Литературное обозрение. –1987. – №8. – С.42-45.
14. Липовецкий М. Опыт тупиков (Ю.Кузнецов) // Липовецкий М. "Свободы черная работа": Статьи о литературе. – Свердловск: Сред.-Урал. Кн. изд-во, 1991. – С.129-148.
15. Новый завет. Восстановительный перевод. – Анахайм: Живой поток, 1998. – 1458с.
16. Рыбаков Б.А. Стригольники. Русские гуманисты XVI столетия. – М., 1993.
17. Серяков М.Л. «Голубиная книга» – священное сказание русского народа. – М.:Алтейя, 2001. –664с.
18. Топоров В.Н. Авраамий Смоленский и "глубинные книги" // Русское подвижничество / Сост. Т.Б.Князевская – М.: Наука, 1996. – С. 96-122.
19. Федотов Г.П. Духовные стихи // Федотов Г.П. Святые Древней Руси; Сост. и вступ. ст. А.С.Филоненко. – М.: ООО "Издательство АСТ", 2003. – С.355-506

20. Ханзен-Леве А. Русский символизм. – СПб.: Академический проект, 1999. – 512с.
21. Ханзен-Леве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика / Пер. с нем. М.Ю.Некрасова. – СПб., " Академический проект", 2003 – 816с.
22. Эпштейн М. "Природа, мир. Тайник вселенной..." : Система пейзажных образов в русской поэзии. – М.: Высш. Шк.,1990. –303с. С.64-65
23. Эткин А. Хлыст. Мистические секты и русская литература. Начало XX века. – М., 1997
24. Эткин А. Хлыст (Секты. Литература и революция). – М.:Новое литературное обозрение, 1998. – 688с. С.421. 427-428